

Предисловие Гарри Тартлдава

«Империум» и его продолжение под названием «По ту сторону времени» — одни из первых произведений в жанре альтернативной истории, прочитанные мною в начале шестидесятых годов. Наряду с такими книгами, как «Чтобы не упал мрак» и «Человек в высоком замке», они расширили мои представления о жанре научной фантастики. Написанная несколько позже «Командировка в никуда» повествует о событиях, разворачивающихся в той же многоликой вселенной, но не является прямым продолжением первых двух частей: их главному герою Бриану Баярду в этой драме отведена второстепенная роль.

Думаю, первым из писателей транспортное средство, способное переносить героев с одной линии времени на другую, ввел Х. Бим Пайпер в «Паратайм сториз». Кейт Лаумер стал первым и, по-моему, единственным, кто описал корабль типа «Модель-Т», предназначенный для путешествий между линиями времени. По версии писателя, это изобретение двух итальянских ученых девятнадцатого века — Максони и Кочини. Оно доступно каждому. Если действовать более или менее правильно, вы, как по маговению волшебной палочки, попадаете из одного альтернативного мира в другой. Но если ошиблись... берегитесь! Имеется огромное множество линий развития, где

допустили промах и опрометчиво высвобожденная энергия разнесла планету в пух и прах. Вот так-то!

Среди именуемых Пустошью развалин угасших исторических альтернатив помещается мир Империиума, где все сделали правильно. Здесь возникла цветущая империя, установившая торговые связи с мирами, так далеко отстоящими от нее в пределах вероятности, что там и вовсе не пытаются передвигаться между линиями развития. Существует и наш мир, где Максони и Кочини, очевидно, никогда не проводили своих экспериментов, и еще пара иных миров. Империиум похищает Бриана Баярда с нашей линии времени ради разрешения некой сложной проблемы, возникшей в одном из затерянных в Пустоши миров.

Лаумер резонно предположил, что на той линии развития, где овладели технологией путешествий «по времени вбок» (заимствуя выражение у Мюррея Лейнстера), люди сосредоточатся на этой технологии и пренебрегут иными возможностями. В «Мирах Империиума» торговцы и чиновники способны переноситься через Пустошь хотя и без особых удобств, но в относительной безопасности, однако вплоть до шестидесятых годов XX века не имели дела с ядерным оружием. Отчасти в этом состоит причина их затруднений. Чем дальше, тем хуже, и неприятности нарастают как снежный ком.

Еще причудливее и смелее сюжет книги «По ту сторону времени». Автор дает широкую панораму многоликой вселенной. Оказывается, Империиум не единственный мир, где научились рассекать время, это возможно и в других мирах, населенных вовсе не людьми. Там обитают прошедшие эволюцию потомки покрытых шерстью гоминидов, которых мы, представители *homo sapiens*, истребили в нашем пучке линий развития, и за это они теперь воротят от нас свои приплюснутые носы. Что еще обиднее, они приступили к странствиям по линиям времени даже раньше Империиума и их корабли гораздо совершеннее любых, какие способны создать люди. Некоторые из этих гомини-

дов — хагруны — задумали уничтожить временную линию Империиума и приступили к достижению цели ретроспективно, устроив так, чтобы эта линия и вовсе никогда не возникала. Другие не одобряют подобную затею, хотя, судя по всему, это отнюдь не означает, что они как-либо озабочены судьбой людей. Задача Бриана Баярда — разобраться, кто кому кем приходится и чем руководствуется в своих поступках (и при этом остаться целым и невредимым, что не так-то просто). Бриан мастерски справляется с задачей, попутно изрядно осложняя жизнь антропологам на множестве линий развития.

В «Командировке в никуда» характерное для Лаумера стремительное развитие лихо закрученного сюжета — одна из сильных сторон его таланта — становится почти неуправляемым. Джонни Керлон похищен Империиумом с нашей линии времени, дабы помочь справиться с вероятностной бурей, надвигающейся из Пустоши и угрожающей всем сохранившимся в ней линиям. По ходу дела выясняется, что Джонни — последний отпрыск великого рода Плантагенетов и дальний родственник Ричарда Львиное Сердце, что имеет немалое значение для уничтоженных Пустошью миров. Его помощником и одновременно противником оказывается барон и генерал ван Рузвельт, временный шеф Имперской разведки. Каким образом Плантагенеты и Рузвельты встретились на перекрестках линий времени? Какое отношение этот ван Рузвельт имеет к Рузвельтам из нашего мира? Ответ, как пишут в учебниках по геометрии, должны найти сами учащиеся. Лаумер так и не дает объяснения. Возможно, условия задачи несколько спорны, но неизменный динамизм повествования заставляет вас жадно перелистывать страницу за страницей.

Объем всех трех романов не превышает ста сорока тысяч слов — по нынешним стандартам книга средних размеров. Однако Лаумер сумел вместить в нее столько интересных идей, что хватит на шесть, а то и на восемь современных бестселлеров. Ярких образов и едкого остроумия ему тоже

не занимать. Я получил громадное удовольствие, перечитывая его книги, чтобы написать это предисловие. Тот, кто уже знаком с ними, наверняка испытает то же самое. Если же вы впервые столкнулись с сочинениями Кейта Лаумера, что ж, приготовьтесь — вам предстоит захватывающее путешествие.

1

На кованой стальной пике, торчавшей из грубой кладки стены, скрипела и раскачивалась под порывами ночного ветра аккуратная деревянная вывеска. Надпись, выведенная золотистой вязью на черном фоне, гласила: «Антиквариат». Я остановился возле лавочки и уткнулся носом в витрину. Из-за металлической решетки на меня безучастно глядели пожелтевшие офорты, гравюры, литографии и меццо-тинто*. Некоторые здания на картинках казались знаковыми, однако располагались в чистом поле или одиноко попирали каменные утесы, возвышаясь над забитой парусными судами бухтой. По старинным улицам, прикрывшись от солнца крошечными зонтиками, прогуливались дамы в длинных, похожих на колокола юбках и украшенных ленточками чепцах. На заднем плане нетерпеливо били точеными ногами впряженные в коляски лошади.

Однако предметом моего внимания служили отнюдь не гравюры и не потускневшее зеркало в массивной золоченой раме. Более всего на данный момент меня занимало отражение. Позади, футах в пятидесяти от антикварной лавки, маячил незнакомый тип в туго перепоясанном сером плаще. По меркам нынешней моды одеяние его выглядело дюймов на шесть длиннее, чем надо. Спрятав руки в

* Особый тип гравировки по медной пластине, так называемая «черная гравюра».

© Перевод А. Евстигнеева.

глубокие карманы, мужчина внимательнейшим образом изучал темную витрину другой лавки.

Итак, он действительно таскается за мной целый день.

Впервые незнакомец попался мне на глаза в автобусе из Броммы. Позже, регистрируясь у стойки администратора отеля, я заметил его за изучением театральных афиш в вестибюле и счел данное событие простой случайностью. Спустя полчаса он потягивал кофе в ресторане через три столика от меня.

Затеяв прогулку после ужина, я окончательно распрощался с мыслью о случайности наших встреч. Мы исходили весь Старый город — сохраненный на острове средневековый центр Стокгольма. Минуло пять часов, а человек в плаще следовал за мной буквально по пятам. Эхо моих шагов отражалось от каменных стен узких пустынных улочек, но сквозь него я уже привычно различал мягкую поступь преследователя. Стоило прибавить скорости, и его шаги делались чаще, стоило остановиться, и они затихали. Я уныло брел мимо тусклых витрин закрытых на ночь лавок и магазинов. При свете дня все эти медные кувшины, вычурные серебряные украшения, дуэльные пистолеты и кавалерийские сабли, вне всякого сомнения, смотрелись бы куда романтичнее. Теперь же, глубоко за полночь, большая часть данных предметов старины выглядела суровым напоминанием об эпохе, исполненной не столько романтики, сколько насилия. Незнакомец терпеливо разглядывал темное стекло и ждал: следующий ход был за мной.

А я заблудился.

Двадцать лет — слишком долгий срок, чтоб удержать в памяти все замысловатые переплетения улиц Старого города. Да, придется лезть в карман за путеводителем. Совладав с непослушными пальцами, я раскрыл последнюю страницу и развернул карту.

Чтобы прочитать название улицы, пришлось задрать голову и долго всматриваться в каменную табличку на углу дома. Кёпмангатан. Я отыскал на карте такое же слово. Согласно схеме, дальше улочка тянется всего на три не-

больших квартала, обрываясь тупиком у Сторторгет. Тусклое освещение не позволяло разглядеть все подробности карты. Повертев ее так и эдак, удалось наконец подобрать более-менее приемлемый ракурс, и тогда я высмотрел тонкую пунктирную линию, обозначенную как Скеппар Олоф гранд. Если память не изменяет, слово «гранд» на шведском означает «переулок». Пунктир Скеппар Олоф соединял Кёпмангатан с Тредгардсгатан — другой такой же узкой улочкой. Та, в свою очередь, выводила в многолюдный и хорошо освещенный район королевского дворца. Что ж, очевидно, иного способа поскорее выбраться отсюда у меня нет. Я сунул путеводитель обратно в карман и с непринужденным видом зашагал в сторону Скеппар Олоф. Только бы переулки здесь не перегораживали запертыми воротами. Тень моя, слегка помедлив, поплелась следом.

Я незаметно ускорил шаг. Непрошенный спутник мой, казалось, вовсе не спешил, предоставляя мне возможность увеличить дистанцию. Мимо тянулся бесконечный ряд дверей, перехваченных проклепанными полосами железа, а также окон с истертыми каменными карнизами. Я едва не проскочил ведущий в переулок проход, приняв его за очередной дверной проем. Теперь следовало как бы невзначай притормозить и шагнуть в темноту арки.

Скрывшись от глаз преследователя, я припустил во весь дух. Шесть шагов, восемь. До конца прохода совсем немного. Нет, темноволосый незнакомец уже наверняка сворачивает под арку, так что времени затеряться во мраке переулка у меня не осталось. Метнувшись влево, я распластался в глубокой каменной нише и широко раскрыл рот, стремясь поскорее унять силпую одышку. В следующее мгновение со стороны Кёпмангатан донеслось торопливое шуршание подошв. Я замер. Тяжело дыша, человек в плаще проскочил всего в нескольких футах от моего укрытия и, судя по затихающему звуку шагов, помчался дальше по переулку. Сейчас он поймет, что впереди меня нет, и повернет назад. Беглец, несомненно, где-то поблизости, надо лишь внимательнее оглядеться. Короче, до его возвращения оставались считанные секунды.

Пришлось набраться храбрости и выглянуть. Лихорадочно озираясь, человек в плаще быстрыми шагами удалялся в направлении Тредгардсгатан. Недолго думая я скинул туфли, прокрался к арке входа и нырнул за угол в тот самый момент, когда незнакомец решил-таки обернуться. Примерно на половине намеченной для рывка дистанции моя нога скользнула по расшатанному булыжнику, и оставшееся расстояние я преодолевал уже по воздуху.

Первым в мостовую врезалось плечо, следом — голова. Внутреннее пространство черепа заполнил адский звон. Я перекатился на живот, кое-как, перебирая руками по каменной кладке, сумел подняться на ноги и привалился к стене возле самого входа в переулок. И тут вместе с запоздало нахлынувшей болью мной овладело бешенство. К черту маневры! Настало время боевых действий! Парень уже здесь, его мягкие подошвы шуршат совсем рядом. Сейчас он вылетит на всех парах и огреbet по полной программе.

На всех парах парень не вылетел. Перед аркой шаги стихли, а затем из-за угла показалась темная круглая голова с давно не стриженными волосами. К сожалению, мой первый удар с длинным выпадом не достиг цели. Уворачиваясь от моего кулака, незнакомец выпрыгнул на улицу и отступил на шаг назад, одновременно сунув руку в карман. Пистолет! Я со всего размаха врезал ему ногой по ребрам. На сей раз мне повезло больше: звук, с каким «серый плащ» судорожно втянул в себя воздух, наполнил мою душу злорадным ликованием. Пусть ему будет так же мерзко, как и мне. Тем временем мой противник выудил из кармана какой-то странный предмет и поднес его к лицу.

— Один-ноль-один,— прохрипел он, не сводя с меня разъяренного взгляда. Непонятная штуковина оказалась всего-навсего микрофоном.— Где вы, черт побери? Срочно ко мне. Дело плохо...

Обладатель незнакомого акцента попятился, не спуская с меня глаз. Я же вновь без сил привалился к стене: недавнее падение напомнило о себе приступом дурноты. Тишину безлюдной улицы нарушало лишь вкрадчивое шар-

канье обуви человека в плаще, а мои собственные туфли валялись на булыжной мостовой в том месте, где я их потерял во время вынужденного полета.

Новый звук раздался за спиной. Обернувшись на него, я обнаружил здоровенный фургон, почти полностью перегородивший Кёпмангатан, и вздохнул с облегчением. Сейчас мне помогут...

Из фургона выскочили двое. Они подбежали ко мне и, взяв под руки, повели к машине. Оба при этом не проронили ни слова.

— Я в порядке. Схватите того человека...

А парень в сером плаще уже семенил рядом с нами, что-то торопливо разясняя одному из моих провожатых. Я почувствовал неладное. Судя по цепкой хватке, меня не столько спасли, сколько поймали. Тут же на память пришло то обстоятельство, что полиция Стокгольма не носит белых мундиров.

Попытка упереться пятками в мостовую и внезапным рывком освободить руки успехом не увенчалась. Один из незнакомцев, отстегнув от пояса предмет, похожий на баллончик с аэрозолем, приснул мне в лицо его содержимым. Я обмяк. Сознание угасло не сразу, однако ноги отказались подчиняться мгновенно. Меня, словно куль с мукой, доволокли до задних дверей фургона, затащили вверх по откидной лесенке и аккуратно опустили на сиденье. Затем я, словно в тумане, наблюдал, как поднимается лесенка и смыкаются двери. Несмотря на слабость, мне даже удалось крикнуть: «Помогите!» Естественно, без всякого эффекта. Где-то что-то защелкало, послышался лязг металла, взвыл двигатель. Судя по остаткам ощущений, фургон мягко тронулся с места. Я собрался крикнуть еще раз, но раздумал. Собрав все силы, я предпринял попытку оторваться от сиденья. Бесполезно. Веки сделались неподъемными. И прежде чем я окончательно нырнул в небытие, в голове моей пронеслась вполне резонная мысль: меня без труда похитили на этой пустынной улице, а ведь с тем же успехом могли и убить.

Скрип пробирал до мозга костей. Все усилия отгородиться от него и еще немного поспать ничего не дали. Раздражение перевесило. Вначале я лишь осознавал, что лежу на спине с закрытыми глазами. Чуть позже ночным кошмаром промелькнули в сознании подробности гонки по узким улочкам, похищение, а вслед за тем в плечо и голову вернулась боль. Я открыл глаза. Моя койка притулилась у стены небольшого, похожего на кабинет помещения, источником же мерзкого скрипа служил канцелярского вида стол. За столом сидел подтянутый мужчина в белой форме и что-то записывал. Где-то за стенами слышался ровный гул, отчего казалось, будто кабинет движется.

Я сел. Мужчина тотчас поднял на меня глаза, выбрался из-за стола и шагнул ко мне.

— Прошу вас, не волнуйтесь.— Он устроился на прихваченном с собой стуле.— Я старший капитан Винтер.— Пожалуй, его акцент более всего напоминал британский.— От вас требуется снабдить меня кое-какими сведениями рутинного характера, а затем вас разместят с бóльшим комфортом.

Судя по бесстрастно-доброжелательному тону, человек, назвавшийся старшим капитаном Винтером, осуществлял данную процедуру далеко не первый раз.

— Я должен извиниться за грубость, с которой было проведено ваше изъятие.— Он профессионально уставился мне прямо в глаза.— Это не входило в наши планы... Однако,— Винтер сменил интонацию,— вам не стоит обижаться на нашего сотрудника, он не обладал всей полнотой информации.

Старший капитан раскрыл записную книжку и откинулся на спинку стула с ручкой наготове.

— Ваше место рождения, мистер Баярд?

Стало быть, они уже обшарили мои карманы, раз знают фамилию.

— Кто вы, черт побери?

Он поднял бровь. На груди безукоризненно белого кителя сверкнули украшенные драгоценными камнями награды.

— В данный момент вы, разумеется, пребываете в замешательстве, мистер Баярд, но в свое время вам все разъяснят должным образом. Я состою на службе Империиума, и в мои обязанности входит беседа при изъятии.— Винтер мягко улыбнулся.— Назовите место вашего рождения.

Я молчал. В сложившейся ситуации мне претило отвечать на какие бы то ни было чужие вопросы — для начала следовало получить ответы на свои собственные. Кроме того, акцент собеседника так и остался для меня загадкой, а это сильно задевало самолюбие, поскольку исследование диалектов и акцентов давно уже сделалось едва ли не самым главным моим увлечением. Поразмыслив, я решил остановиться на его английском происхождении, но тогда из какой части Англии? Беглый осмотр наград еще больше сбил меня с толку. Выглядели они более чем странно, однако среди них мне удалось высмотреть алую ленточку и крест ордена Виктории* с тремя пальмами из драгоценных камней. Весь облик этого старшего капитана отдавал каким-то несусветным бредом.

— Потрудитесь отвечать, сударь,— резко произнес Винтер.— Я настоятельно советую вам вести себя более сговорчиво. Это избавит вас от массы неприятностей.

Я ответил ему мрачным взглядом.

— Меня выслеживали, схватили, отравили газом, запихали в камеру и задают вопросы личного характера, и это само по себе уже чертовски неприятно, так что прекратите делать вид, будто все идет своим чередом. Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы.— Демонстративно сунув руки в карманы, я не обнаружил паспорта.— А касательно ареста, задержания, допроса и прочего, на ваше усмотрение, то раз уж вы завладели моими документами, значит, вы в курсе, что имеете дело с американским дипломатом, на которого распространяется право дипломатической не-

* Высшая военная награда Великобритании.

прикосновенности. Исходя из этого, я намерен покинуть вас, как только мне вернут мои вещи, включая обувь.

Винтер досадливо поморщился. Моя тирада явно не произвела на него особого впечатления. По его сигналу в помещение ввалились двое парней, ранее мною здесь не виденных. По комплекции оба значительно превосходили старшего капитана.

— Мистер Баярд, вам придется отвечать на мои вопросы. В случае необходимости — принудительно. Будьте добры для начала назвать место вашего рождения.

— Вы найдете это в моем паспорте.

Пожалуй, все же не стоило игнорировать ребят, вызванных для стимуляции моей особы к сотрудничеству. Оба походили на бульдозеры, в раздумье застывшие над детской песочницей. Я решил, пока не поздно, сменить тактику. Угораздило же меня с самого начала нашего знакомства вести себя так дерзко! Сумасшедшим следует подыгрывать, ждать, пока они немного расслабятся и наступит момент, подходящий для побега.

Тем временем один из громил по знаку Винтера подал ему с письменного стола мой паспорт. Старший капитан, просмотрев документ, сделал кое-какие выписки и вручил его мне.

— Благодарю вас, мистер Баярд.— Он перешел на прежний, доброжелательный тон.— Теперь займемся более подробными сведениями. Где вы закончили школу?

И я принялся изображать человека, готового лебезить и угодничать. По всей видимости, Винтер давно привык иметь дело с малодушными субъектами, иначе столь разительная перемена в моем поведении не показалась бы ему до такой степени правдоподобной. По крайней мере через несколько минут он махнул рукой группе поддержки, и те безмолвно удалились.

От личной анкеты старший капитан перешел к международному положению и геополитике. Казалось, предоставленные мной в общих чертах ответы вызывают у него самый что ни на есть искренний, неподдельный интерес. Раз-другой я робко попытался выяснить, каков смысл это-

го перемалывания давно известной всем и каждому информации, однако на меня немедленно обрушилась лавина новых, весьма нелепых, с моей точки зрения, вопросов.

Винтер тщательно проэкзаменовал меня по географии и недавней истории, сделав особый упор на период между тысяча восемьсот семьдесят девятым и тысяча девятьсот десятым годами, затем стал зачитывать список имен, требуя подробного отчета о каждом из них. К немалому удивлению старшего капитана, относительно большинства перечисленных лиц я ничем не смог ему помочь, а из известных мне в основном попадались малозначительные публичные фигуры. О двух, по-видимому итальянцах Кочини и Максони, он расспрашивал с особенной тщательностью и долго отказывался верить в то, что я не имею о них ни малейшего понятия. Частенько мои ответы приводили его в замешательство.

— Нивен — актер?* — с удивлением вопрошал он.— Никогда не слышали о Крейне Тэлботе?

Выслушав отчет о роли Черчилля в недавних событиях, Винтер разразился хохотом.

Примерно на сороковой минуте нашей несколько односторонней беседы негромко прозвенел звонок, в кабинет вошел еще один человек в белой форме, поставил на край стола внушительных размеров коробку и удалился. Старший капитан не обратил внимания на его появление.

Вопросы продолжались еще минут двадцать. Кто сейчас царствующий монарх Великобритании (Англо-Германии, поправил меня Винтер), каков состав королевской семьи, каков возраст наследников в королевской семье и так далее, пока я не исчерпал запас своих знаний на данную тему. Каков статус вице-короля Индии, как организовано управление доминионами Австралии, Северной Америки, Кэботландии**...

* Имеется в виду Ларри Нивен.

** То есть Ньюфаундленда, открытого в 1497 году Джоном Кэботом и до 1949 года бывшего владением Великобритании. С 1949 года в составе Канады.

Кто, кроме безумца, мог всерьез задавать подобные вопросы? Я в меру своих сил старался отвечать на них по существу, но привязать к реальности его нелепые ссылки на явно выдуманные политические образования почти не представлялось возможным. Что казалось наиболее странным, самого Винтера как будто вовсе не расстраивало расхождение моего представления о положении вещей с его собственным.

Когда надо мной уже всерьез нависла угроза разделить помешательство с собеседником, старший капитан наконец поднялся, подошел к столу и жестом указал на стул возле него. Присаживаясь, я украдкой заглянул в коробку. Там лежали несколько журналов, свернутая салфетка и россыпь монет. Из-под экземпляра «Всемирного альманаха» выглядывала рукоять небольшого пистолета. Винтер, повернувшись спиной ко мне, раскрыл шкафчик позади стола. Быстрым движением я запустил руку в коробку, сцапал пистолет и сунул его в карман.

Старший капитан извлек на свет бутылку синего стекла.

— Выпьем по глоточку, мистер Баярд,— благодушно предложил он.— И я попытаюсь хотя бы частично развеять ваши вполне обоснованные опасения. Что бы вы хотели знать?

От выпивки я отказался.

— Где мы?

— В Стокгольме, в Швеции.

— Кажется, мы куда-то едем? Это автофургон с кабинетом внутри?

— Это транспортное средство, хотя и не автофургон.

— Зачем вы меня схватили?

— Весьма сожалею, но я вправе лишь сообщить вам, что вас изъяли по особому распоряжению одного высокопоставленного чиновника Империи.— Он испытующе взглянул на меня.— Для меня это в высшей степени необычно.

— А мне кажется, что похищение безоружного человека — не такая уж редкость.

Винтер нахмурился.

— Вы стали объектом официальной операции Имперской разведки, и смею вас заверить, отнюдь не с целью подвергнуть вас преследованию.

— Не знаю никакой Имперской разведки.

— Мистер Баярд,— подавшись вперед, многозначительно произнес старший капитан,— вам следует кое-что уяснить. Во-первых, правительства, которые вы привыкли принимать за высшую суверенную власть, в действительности должны рассматриваться как подчиненные Империи и Верховному правительству, исполнителем чьей воли я на данный момент являюсь.

— Вы являетесь лжецом.

— Нет, руководителем Имперской комиссии в чине старшего капитана разведки,— обиделся Винтер.

— Что это за транспортное средство?

— Бронированный транссетевой челнок-разведчик. Координаты базирования — Стокгольм ноль-ноль.

— Можно подумать, это мне о чем-то говорит. Что это: судно, автомобиль, самолет?..

— Ничто из перечисленного, мистер Баярд.

— Ладно, я поставлю вопрос иначе. В какой среде оно движется: вода, воздух?..

Винтер растерялся.

— Откровенно говоря, не знаю.

Видимо, мне следовало изменить угол атаки.

— Куда мы направляемся?

— Сейчас мы в координатах ноль-ноль-ноль, ноль-ноль-шесть, ноль-девятьсто два.

— Каков пункт назначения? Где он?

— Стокгольм ноль-ноль, после чего вас, вероятно, переправят в Лондон ноль-ноль для продолжения работы.

— Что это за нули такие? Вы имеете в виду Лондон, который в Англии?

— Нет, ваш Лондон, это Лондон ИП-три.

— А в чем разница?

— Лондон ноль-ноль — столица Империиума. Империиум объединил в себе большую часть цивилизованного ми-

ра: Северную Европу, Западное полушарие, Австралию и прочее.

— Зачем вы меня похитили?

— Обычное изъятие с целью опроса, насколько мне известно.

— Вы предполагаете отпустить меня?

— Да.

— Домой?

— Нет.

— А куда?

— Затрудняюсь ответить. Вероятнее всего, в один из концентрационных пунктов.

— Еще один вопрос.— Я достал из кармана автоматический пистолет и направил его на третью медаль слева на груди Винтера.— Вы знаете, что это такое?

Старший капитан отпрянул к спинке стула.

— Да. Где вы, черт возьми, это взяли?

— Держите руки на виду, а лучше встаньте-ка вот там.

Винтер поднялся и направился в указанное место. Мне ни разу не доводилось целиться в человека с такого близкого расстояния, но сейчас я не испытывал ни малейших колебаний.

— Теперь давайте все по порядку.

— Я же ответил на все ваши вопросы,— растерянно проговорил старший капитан.

— И так ничего мне и не объяснили.

Винтер стоял и смотрел на меня. Я щелкнул предохранителем.

— У вас есть пять секунд. Раз... Два...

— Хорошо, хорошо. В этом нет необходимости. Я попытаюсь.— Он колебался.— Вас выбрали на самом верху. Чтобы добраться именно до вас, нам пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Повторяю, это нестандартная ситуация. Видите ли,— несколько оживился Винтер,— возможность изъятия образцов в этом секторе раньше была крайне ограничена, поскольку ваш континуум расположен на своеобразном острове. Это одна из весьма немногих изолированных линий посреди огромной поврежденной

области. Вся конфигурация здесь нарушена, и в данной зоне чрезвычайно опасно маневрировать. На раннем этапе мы потеряли многих достойных людей, пока не научились справляться с сопутствующими проблемами.

— Надеюсь, вы понимаете, что для меня ваши слова не имеют никакого смысла. Что имелось в виду под изъятием образцов?

— Вы не возражаете, если я закурю?

Я достал из пачки на столе длинную коричневую сигарету, раскурил и протянул Винтеру.

— Имеется в виду подбор коллекций индивидуумов и артефактов с типичных ИП-линий.— Он выпустил облако дыма.— Мы в разведке сейчас заняты топографическими операциями. Это, сударь, увлекательнейшая работа — оценивать тенденции развития, сопоставлять находки с теоретическими построениями, создавать высокоточные приборы, инструменты и прочее. Мы только начали открывать потенциальные возможности исследования Сети. Чтобы получить максимум информации в кратчайшее время, руководство сочло целесообразным подбирать индивидуумов для опроса. Так нам удастся быстрее составить целостную картину конфигурации Сети по различным направлениям. В вашем случае я получил негласный приказ войти в Пустошь, проникнуть в третий сектор и взять под опеку некоего мистера Бриана Баярда, в частности, дипломатического представителя Американской республики.

Сейчас Винтер говорил с воодушевлением. Без напускной церемонности он выглядел гораздо моложе.

— Ах, сударь, мне бы следовало гордиться, что выбор пал на меня. Проведение операций в Пустоши — это просто потрясающе. Правда, мне и раньше случалось работать на таком отдалении от Империи, что трудно или невозможно подобрать аналогии. Но ИП-три! Ваша система — это почти тот же Империи, но с достаточными отклонениями, чтобы позволить разыграть фантазии. Как ни схожи эти две линии, вокруг и между ними раскинулась Пустошь, и это указывает, насколько близко к краю пропасти мы подходили в прошлом.

— Ладно, Винтер. Достаточно я вас слушал,— прервал я.— Может быть, вы просто безобидный чужак. Но я уйду, и немедленно.

— Это совершенно невозможно.— Он развел руками.— Мы сейчас посреди Пустоши.

— Какой Пустоши? — спросил я для отвода глаз, прикидывая тем временем, через какую из дверей лучше выйти. Дверей имелось три. Я остановил выбор на той, через которую еще никто не входил, и шагнул к ней.

— Пустошь — это область полного запустения, радиации, хаоса,— объяснял Винтер.— Там находятся пучки А-линий, где камеры-автоматы не регистрируют ничего, кроме огромных орбитальных колец из обломков. Есть полностью выжженные миры. Кое-где попадаются небольшие фрагменты облученных джунглей, населенных пораженными радиацией мутантами. Сударь, это ужасно. Вы вольны всю ночь держать меня под прицелом, но вам это ничего не даст. Через несколько часов мы прибудем на ноль-ноль, а до тех пор вам не мешало бы отдохнуть.

Выбранная мною дверь оказалась заперта.

— Ключ! — потребовал я.

— Ключа нет. На базе она откроется автоматически.

Я подошел к другой двери. Через нее недавно входил мужчина с коробкой. Стоило ее распахнуть, как гудение усилилось. Короткий узкий проход оканчивался помещением, имевшим некоторое сходство с кабиной пилота. В кресле перед пультом кто-то сидел спиной ко мне.

— Сюда, Винтер. Идите вперед.

— Сударь, не будьте идиотом,— с заметным раздражением произнес он, поворачиваясь к столу.

Я поднял пистолет, прицелился и нажал спуск. Грохот выстрела сотряс помещение. Винтер дернулся, хватаясь за простреленную руку. Лицо его впервые омрачила тень настоящего испуга.

— Сумасшедший! — воскликнул он.— Вам же ясно сказано: мы посреди бездны.

Человек в кабине изумленно оглянулся через плечо и лихорадочно завертел какую-то ручку на пульте.

— Того и гляди обмочите этот милый коврик, — заметил я. — Следующей пулей я вас прикончу. Остановите машину.

Старший капитан побледнел.

— Слово чести, мистер Баярд, — он судорожно сглотнул, — это совершенно невозможно. Лучше застрелите меня. Вы не имеете представления о том, чего требуете.

В безумии моего похитителя больше не оставалось ни малейшего сомнения. Винтер действительно был согласен умереть, лишь бы не выпустить меня из своего фургона, или как там он его называл. Меня же, несмотря на всю браваду, вовсе не устраивала перспектива хладнокровно пристрелить человека. Три широкими шагами я пересек проход и приставил пистолет к пояснице человека, продолжавшего с остервенением вращать ручку на передней панели.

— Остановите машину.

Мужчина — один из тех, что появлялись в кабинете после моего пробуждения, — скользнул по мне безумным взглядом, но своего занятия не прервал. Я всадил пулю в приборную доску. Оператор выскочил из кресла и упал на пульт, закрыв его своим телом.

— Нет, чертов идиот! Мы вам все объясним...

— Пытались, — у меня вырвался глубокий вздох, — без толку. Так что лучше не мешайте. С вашей помощью или нет, но это сооружение остановится.

Я отступил в сторону, чтобы следить за обоими. Винтер в дверях присел на корточки. Лицо его побелело.

— Как там, Дойл? — прохрипел он сдавленным голосом.

Тот слез с пульта и, повернувшись ко мне спиной, оглядел приборы. Щелкнув какой-то клавишей, Дойл тихонько выругался, затем поднял глаза на старшего капитана.

— Передатчик сдох, — доложил он. — Но мы на ходу.

Меня посетило нехорошее предчувствие. Перспектива остановки в самом деле не на шутку перепугала эту пароч-

ку. На меня и мое оружие они сейчас обращали внимания не больше, чем на младенца с водяным пистолетиком,— обоим занимало исключительно состояние аппаратуры. Они явно согласны получить пулю, лишь бы не прерывать движение.

К тому же, как бы мне ни хотелось убедить себя в обратном, транспортное средство этих ребят совершенно не вписывалось в мои представления о простом автофургоне. Кабина самолета не вмещает такого количества приборов, и при этом ни одного окна. Мысли роем кружились в голове. Что это? Космический корабль? Машина времени? В какую, черт возьми, передрыгу меня угораздило влипнуть?

— Ладно, Винтер,— сказал я.— Объявим перемирие. Даю вам пять минут на то, чтобы в доходчивой форме представить мне необходимые объяснения и доказать, что вы не являетесь беглецом из лечебницы для буйнопомешанных. Заодно расскажете, как вы собираетесь доставить меня туда, откуда... изъяли. Не захотите сотрудничать — я превращу эту панель в решето, как и всякое тело, которым ее попытаются прикрыть.

— Будь по-вашему,— кивнул старший капитан.— Клянусь, я сделаю все, что смогу. Только давайте покинем рубку управления.

— Я останусь здесь. Обещаю не стрелять, если вы не дадите мне повода, например не начнете завираться.

Лицо Винтера покрылось капельками пота.

— Это разведывательный аппарат для работы в Сети. Под Сетью следует понимать совокупность альтернативных линий времени. Так сказать, единый поток одновременно существующих реальностей. Наш двигатель — генератор поля Максони — Кочини — направляет нас перпендикулярно вектору нормальной энтропии, то есть этому потоку. По правде говоря, я плохо разбираюсь в физических принципах работы механизма, я не инженер.

Я взглянул на часы. Он уловил намек.

— Империмум — государство на А-линии ноль-ноль, где было открыто это поле. На основе данного открытия со-

здан наш аппарат. Его устройство чрезвычайно сложно, и управляющие им операторы идут на неизмеримый риск. Далее. Поскольку все А-линии в радиусе тысяч координатных единиц от линии ноль-ноль некоторое время назад стали ареной самой ужасной бойни, мы предполагаем, что только нам удалось добиться успеха в данной области исследований. Сейчас наша деятельность охватывает всю совокупность А-линий вне границ Пустоши — так мы называем зону разрушений. Появляться же в ее пределах крайне рискованно.

Продолжая говорить, Винтер заматывал носовым платком простреленную руку.

— Ваша линия известна как Изолированная в Пустоши номер три. Она — одно из двух исключений в окружении всеобщего хаоса. Эти две линии лежат на некотором удалении от нулевой. Ваша немного ближе, чем ИП-два, но открыта всего около месяца назад, а подтверждение ее безопасности получено совсем недавно, поскольку вся исследовательская работа в Пустоши проводилась беспилотными разведчиками-автоматами. Почему мне велели изъять именно вас, я не в курсе. Но, поверьте, если бы вы повредили этот аппарат-разведчик, нас бы выбросило в реальность какой-нибудь А-линии, где, возможно, не осталось ничего, кроме кольца пыли вокруг Солнца или гигантской мутировавшей грибницы. Нам никоим образом нельзя останавливаться, пока мы не достигнем безопасной области.

Я опять посмотрел на часы и изрек:

— Четыре минуты. Как вы можете подтвердить правдивость ваших слов?

Старший капитан облизал губы.

— Дойл, дайте разведснимки этого сектора. Те, что мы сделали по пути сюда.

Оператор сунул руку под панель, вытащил большой красный конверт и протянул его мне. Я передал конверт Винтеру.

— Вскройте сами. Посмотрим, что у вас там.

Повозившись немного, он извлек пачку глянцевых фотографий.

— Все они сделаны точно в тех же пространственных и временных координатах, где сейчас находится разведчик.— Старший капитан вручил мне первый снимок.— Единственное отличие — это координаты Сети.

Через бесформенных глыб, выплывавших из серого тумана, расцвеченного в нескольких местах блеклыми искорками, повергла меня в растерянность. Я даже приблизительно не смог истолковать увиденное. Следующее изображение практически не отличалось от первого. Лишь на третьем один из валунов повернулся ко мне плоской гранью с процарапанной на ней тоненькой паутиной.

— Размеры обманчивы,— пояснил Винтер.— Эти причудливые камушки — обломки планеты, снятые с расстояния около двадцати миль, а нити — дороги.

Я вновь уставился на снимок. Глыбы висели в пространстве, и их нескончаемые ряды уходили за пределы видимости. Похоже, старший капитан добавил себе очков.

Тем временем он продемонстрировал новую фотографию. Моим глазам предстало черное пятно. Выпуклости и впадины его поверхности отражали мертвенно-бледный свет луны — сверкающего диска на черном фоне пустого неба.

Половину следующего изображения загородила непонятная масса (видимо, фокусное расстояние оказалось слишком мало), зато позади я, к своему ужасу, разглядел огромное, размером с приличный холм, расплывчатое тело, словно перемешанное с обступившими его джунглями. Голова, похожая на коровью, казалась крохотной по сравнению с ним. Чуть поодаль торчало раздутое подобие ноги с загнутым, словно толстый коготь, копытом.

— Да,— подал голос Винтер,— это корова. Корова-мутант с подавленными функциями ограничения роста. Превратилась в гигантскую культуру ткани, получая питание непосредственно от лиан. Они проросли сквозь всю массу тела. Рудиментарная голова и конечности стали совсем бесполезны.

Мне сделалось не по себе, а вид пулевого отверстия в панели управления заставил вздрогнуть.

— Хватит.— Я вернул снимки и опустил пистолет в карман.— Убедили. Пойдемте скорее отсюда.

Вернувшись в кабинет, мы расселись возле письменного стола. Даже если у старшего капитана оставались в запасе какие-либо технические уловки, вряд ли он имел возможность прибегнуть к ним мгновенно.

Винтер, морщась, осмотрел раненую руку, подтянул платок. Я не стал ему помогать. Старший капитан вновь предложил мне синюю бутылку и на этот раз отказа не встретил. После сделанного мной изрядного глотка он заговорил.

— Согласитесь, сударь, когда вам показывают все таким вот образом, без подготовки, это ошеломляет. Понимаю. Я честно пытался сгладить шок, но признайте, вы вели себя чересчур настойчиво.

— Не люблю, когда меня водят за нос. Я по-прежнему в состоянии, если понадобится, застрелить вас обоих и вообще всех, кто есть на борту. Не знаю, какую участь мне уготовили ваши хозяева, но ручаюсь в одном — меня это не устраивает. Что делать будете?

— Я должен доставить вас на базу, хотя бы ценой собственной жизни,— невозмутимо ответил Винтер.— Я офицер Империи. Что же до вас, то теперь вы сами убедились, что не можете покинуть разведчик, пока мы не выберемся из Пустоши. Через несколько часов автоматика выведет челнок к рабочему терминалу в Стокгольме ноль-ноль, где вас ожидает эскорт, так что и здесь вы вряд ли чего-то добьетесь, убив меня. А потому нам лучше просто расслабиться и оставить все как есть,— добавил он с вежливой улыбкой.

Я задумался. Картина мира, в общих чертах представленная Винтером, казалась мне понятной и не вызывала отторжения. Но одно дело — допустить, и совсем другое — поверить. Мои размышления продолжались под болтовню старшего капитана.

Мне удалось сложить его отрывочные сведения воедино и собрать в систему: Сеть представляет собой огромную паутину линий. Линии — вселенные, каждое мгновение

отличные от всех остальных. И где-то, на какой-то линии или в каком-то мире создано устройство, позволяющее человеку пробираться между этими самыми линиями. Что ж, почему бы и нет? При таком количестве вариантов может произойти все, что угодно. Разве не так?

— Винтер,— задумчиво поинтересовался я,— а как обстоят дела с другими А-линиями? Где, возможно, сделано то же самое открытие, но с каким-то несущественным отличием? Почему, обшаривая одну линию за другой, вы не натолкнулись на таких же, как вы?

— Наши ученые давно ломают голову над этим вопросом и пока не нашли определенного ответа. Так или иначе, имеются некоторые установленные факты. Во-первых, эта машина, как я уже говорил, фантастически сложное устройство. Создать подобное не так уж просто. Во-вторых, соверши мы в ходе первых экспериментов самую незначительную ошибку — и наша линия имела все шансы уподобиться тем, чьи фотографии вы видели. Как потом выяснилось, нам лишь чудом удалось избежать губительных последствий данного открытия. Зато теперь мы преуспели и знаем, как управлять процессом. Что касается ближайших линий, теория как будто склоняется к тому, что между векторами нет физических препятствий. Те, что имеют лишь микроскопические отличия, на деле соединяются, переплетаются... Это сложно объяснить. Видите ли, в действительности мы наугад блуждаем с одной на другую. Да, такова любопытная природа бесконечности — имеется бесконечное число бесконечно близких линий, по которым мы скользим, обычно не замечая никакой разницы. Не отдаем же мы себе отчета в том, что без конца перескакиваем от одной временной точки к следующей в ходе нормальной энтропии.

Я озадаченно нахмурился, и Винтер добавил:

— Линии уходят в оба конца и сориентированы по бесчисленным векторам. Если бы мы могли отправиться строго назад вдоль Э-линии, мы бы попали в прошлое. Но такое невозможно, поскольку в этом случае два тела окажутся

Содержание

МИРЫ ИМПЕРИУМА <i>Перевод А. Евстигнеева</i>	9
ПО ТУ СТОРОНУ ВРЕМЕНИ <i>Перевод А. Кузнецовой</i>	203
КОМАНДИРОВКА В НИКУДА <i>Перевод К. Плешкова</i>	419
ЖЕЛТАЯ ЗОНА <i>Перевод А. Килановой</i>	557